

ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ:

ПОГРЕБАЛЬНО-
ПОМИНАЛЬНАЯ
ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ
АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА
НЕКРОПОЛЕЙ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUT FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
THE STATE HERMITAGE MUSEUM
PROCEEDINGS. VOL. 47

**ANCIENT NECROPOLISES —
FUNERAL AND MEMORIAL RITUALISM, ARCHITECTURE
AND PLANNING OF NECROPOLISES**

St. Petersburg

2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
ТРУДЫ ИИМК РАН. ТОМ 47

**ДРЕВНИЕ НЕКРОПОЛИ —
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ,
ПОГРЕБАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА
И ПЛАНИРОВКА НЕКРОПОЛЕЙ**

Санкт-Петербург

2018

УДК 902/904

ББК 63,4

Древние некрополи — погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей. Труды ИИМК РАН. Т. 47. — Санкт-Петербург, ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж. — 256 с., ил.

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for publication by the Academic Board of IHMK RAS

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. ред.), М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, С. А. Яценко
Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), M. E. Kilunovskaya, N. A. Lazarevskaya, S. A. Yatsenko

Перевод на английский язык А. В. Семёнов
English translation: A. V. Semenov

Рецензенты: доктор исторических наук В. А. Лапшин, доктор исторических наук А. Ю. Алексеев, кандидат исторических наук В. А. Алёкшин
Reviewers: Doctor of Historical Sciences V. A. Lapshin, Doctor of Historical Sciences A. U. Alekseev, Candidate of Historical Sciences V. A. Alekshin

Предлагаемый читателю сборник является публикацией материалов представительного международного Круглого стола «Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей», проведенного в Петербурге в ноябре 2016 г. Он является второй из задуманной серии подобных встреч, посвященных малоисследованным аспектам погребальной обрядности, отражению в материалах археологии ментальности и субкультурной специфики. В публикуемых текстах особое внимание уделяется закономерностям внутренней планировки некрополей и святилищ, междисциплинарному исследованию памятников такого рода, редким формам погребальных и надмогильных сооружений, обрядам обезвреживания умерших, в том числе с их черепами, человеческих жертвоприношений, реконструкции средневековых наземных склепов (выглядающих сейчас как курганы) и т.п. Тексты размещены в хронологической последовательности от неолита к позднему средневековью. Сборник будет полезен археологам, религиоведам, этнографам, историкам и всем интересующимся древней религией и культурными корнями ряда современных традиций.

We are glad to offer this digest to the readers. This is the publication of the materials of representative international Round table «Ancient necropolises: funeral and memorial ritualism, architecture and planning of necropolises», which took part in St.-Petersburg, November 2016. It is second in series of similar meetings, dedicated to the little-explored aspects of funeral ritualism. One of those aspects is the reflection of mentality and sub-cultural specifics in archaeological materials. In the published texts special attention is paid to the regularities of internal planning of necropolises and sanctuaries, interdisciplinary research of this type of sites, rare forms of burial constructions, "disarming" rituals with bodies and skulls, human sacrifices, reconstruction of the medieval land crypts (which now look like barrows), etc. Texts are arranged in chronological sequence from Neolithic to Late medieval. Digest would be useful for archaeologists, ethnologists, religious scholars, historians and everyone who wish to study ancient religions and cultural roots of some modern traditions.

На лицевой стороне обложки: могильник Эки-Оттут 2, курган 1, Тыва

ISBN 978-5-93572-816-8

© Институт истории материальной культуры РАН /
Institute for History of Material Culture RAS, 2018

© Государственный Эрмитаж /
The State Hermitage Museum, 2018

© Авторы статей / Authors of papers, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Перцева М. А. Ямы с фигурными выемками — особый вид погребений среднего бронзового века	10
Ковалев А. А. Могильные ямы, моделированные по форме повозки, в Синьцзяне и Восточном Казахстане: их датировка и происхождение	25
Куприянова Е. В., Кириллов А. К. Роль и функции рва в погребальных комплексах эпохи бронзы Южного Зауралья	34
Рафикова Я. В. Антропоморфные стелы в погребальной обрядности эпохи поздней бронзы Южного Зауралья	40
Лазаретов И. П., Морозов С. В., Поляков А. В. Новые данные о манипуляциях с черепами в погребальном обряде окуневской культуры	51
Усманова Э. Р. Кефалотафия по-андроновски (по материалам погребений Лисаковской округи II тыс. до н. э.)	57
Боковенко Н. А. Вход в погребальное сакральное пространство у древних народов Среднего Енисея IV—I тыс. до н. э.	63
Ташбаева К. И. К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня	71
Агульников С. М. О топографии и планировке могильника белозерской культуры Причерноморья	79
Малюкевич А. Е., Агульников С. М. Курганные некрополи Днестровского Правобережья	86
Килуновская М. Е. Погребальные памятники Тувы от древности до средневековья	92
Кисель В. А. Человеческие жертвоприношения могильника Догээ-Баары в Туве	106
Семенов Вл. А. Планиграфия могильников Суглуг-Хем I и Суглуг-Хем II в Туве (III—II вв. до н. э.)	113
Бородовский А. П. Погребальное пространство в контексте политкультурности (по материалам Быстровского некрополя эпохи раннего железа на Верхней Оби)	123
Шишкин А. С., Волков П. В., Зубова А. В., Кишкурно М. С. Выставление голов у носителей каменной культуры Верхнего Приобья (по материалам Быстровского некрополя)	134
Субботин А. В. Курганные некрополи тагарской культуры на юге Назаровской котловины ..	144
Акулов А. Г. «Время котов». Великолепные полтора века мемориалов тагарских нобилей ...	149
Вадецкая Э. Б. Отражение в коллективных могилах Енисея представлений о смерти индивида и возрождении социума	164
Козленко Р. А. Обряд обезвреживания погребенных в Нижнем Побужье в античный период	174
Федоров В. К. Вторжения в могилы единоплеменников при совершении новых захоронений у ранних кочевников Южного Урала VI—I вв. до н. э.	181
Сиротин С. В. Планиграфическое отражение основных этапов сооружения курганного могильника Переволочан I в Зауральской Башкирии	192
Ивченко А. В. Постпогребальная обрядность на некрополе Ольвии	201
Полин С. В. Об ограблении скифских курганов в Северном Причерноморье	206
Симонян А. Е., Атоянц Е. А. Некрополь Тейшебаини	216
Яценко С. А. Возможности анализа планиграфии малых сарматских некрополей	224

Андрух С. И., Тоцев Г. Н. Археологические культуры Северного Причерноморья в фокусе Мамай-Горы	232
Смагулов Е. А. Место наземных склепов в погребальном обряде раннесредневековой Сред- ней Азии	241
Список сокращений	251
Сведения об авторах	253

CONTENTS

Introduction	9
Pertseva M. A. Pits with figured recesses — special type of burial constructions of middle Bronze Age	10
Kovalev A. A. Grave pits modelled by the shape of cart in Xinjiang and Eastern Kazakstan: dating and origins	25
Kupriyanova E. V., Kirillov A. K. Role and functions of a moat in burial complexes of Bronze Age of Southern Trans-Urals.	34
Rafikova Ya. V. Stone anthropomorphic steles in the funeral rites of late Bronze age of Southern Trans-Urals	40
Lazaretov I. P., Morozov S. V., Polyakov A. V. New data on manipulations with skulls in the funeral rite of Okunevo culture	51
Usmanova E. R. Kefalotaphy in Andronovo culture (by the materials from burials of Lisakovskaya okrug of 2 nd millenium B. C.)	57
Bokovenko N. A. Entrance into the sacred funeral space among the ancient peoples of Middle Yenisei IV–I millenium B. C.	63
Tashbaeva K. I. To the semantics of dromoses and entrances in the timber constructions of Inner Tien-Shan early nomads	71
Agulnikov S. M. About topography and planning of Belozerskaya culture cemeteries	79
Malyukevitch A. E., Agulnikov S. M. Barrow necropolis of the Dniester Right Bank	86
Kilunovskaya M. E. Burial sites of Tuva from primeval to medieval ages	92
Kisel V. A. Human sacrifices on Dogae-Baary cemetery in Tuva	106
Semenov VI. A. Planigraphy of Suglug-Khem I and Suglug-Khem II cemeteries in Tuva (III–II centuries B. C.)	113
Borodovskiy A. P. Funeral space in the context of polyculturalism (on materials from Bystrovsky necropolis of early Iron Age on Upper Ob)	123
Shishkin A. S., Volkov P. V., Zubova A. V., Kishurko M. S. Exposing of heads among the bringers of Kamenskaya culture of Upper Ob (on materials from Bystrovsky necropolis)	134
Subbotin A. V. Barrow fields of tagarskaya culture in the south of the Nazarovo basin	144
Akulov A. G. «Time of cats». Amazing century of Tagarskaya noble monuments	149
Vadetskaya E. B. Death of an individual and revival of society reflected in collective graves of Yenisei basin	164
Kozlenko R. A. Rite of disarming of the buried bodies among population of Lower Pobuzhue ...	174
Fedorov V. K. Encroaching of tribe-mate graves during the creation of new burials among nomads of Southern Urals at VI–I centuries B. C.	181
Sirotnin S. V. Planigraphic reflection of the main constructional stages of Perevolochan barrow cemetery in Trans-Ural Bashkiria	192
Ivchenko A. V. After-funeral rituals on Olbia necropolis	201
Polin S. V. About the despoilment of Scythian mounds in Northern Black Sea Coast	206
Simonyan H. E., Atoyantz E. L. Necropolis Teyshebaini	216

Yatsenko S. A. Possibilities of minor sarmatian necropolises planographic analysis	224
Andruh S. I., Tosheev G. N. Archaeological cultures of Northern Black Sea Coast in focus of Mamai-Gora	232
Smagulov E. A. Place of surface crypts in the funeral rite of early-medieval Central Asia	241
List of abbreviations	251
List of contributors	253

Р. А. Козленко

ОБРЯД ОБЕЗВРЕЖИВАНИЯ ПОГРЕБЕННЫХ В НИЖНЕМ ПОБУЖЬЕ В АНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

В статье собраны факты разрушения погребений на античных некрополях, расположенных в Нижнем Побужье. На разных примерах демонстрируется ритуальная направленность повторного вторжения в погребения с целью «обезвреживания» погребенных. Доказывается распространенность данного ритуала представителями среднесарматской культуры. Кроме этого, выдвигается предположение о вторжении отдельных групп населения региона римского времени в более ранние погребения расположенных рядом некрополей позднего классического–эллинистического времени.

Ключевые слова: погребение, ритуал, обряд обезвреживания, поздний классический период, эллинистический период, среднесарматская культура, черняховская культура, Нижнее Побужье

Ритуальная традиция погребальной обрядности является индикатором, отражающим религиозно-мировоззренческие восприятия загробного мира представителей общности, этноса, археологической культуры. Память о предках, отношение к останкам и месту их упокоения — один из существенных показателей степени духовного развития и цивилизованности, как древних людей, так и современного человека.

В ходе археологических исследований, совершенно разных в хронологическом пласте памятников Евразии, исследователями были выделены погребения с повторными вторжениями, явно не преследующими грабительские цели. До недавнего времени изучение некрополей в Нижнем Побужье не позволяло надежно определить подобный класс захоронений среди общего массива.

Проблема интерпретации разрушенных с ритуальной целью погребений на некрополях разных эпох на территории Евразии в последнее время стала актуальной. Ей был посвящен отдельный ряд исследовательских работ диссертационного и монографического характера (*Флефов*, 2000; *Зайцева*, 2005; *Осипова*, 2006). Среди отдельных территорий распространения обряда обезвреживания следует выделить и регион Нижнего Побужья, где в последнее время он был прослежен.

В 2011 г. в ходе открытия и частичного исследования могильников позднего классического–эллинистического (*Смирнов и др.*, 2012а. С. 343–345; *Смирнов*, 2012. С. 149–164) и римского времени (*Смирнов и др.*, 2012б. С. 348–349), на левом берегу р. Ингул, в г. Николаеве, у здания Областного краеведческого музея «Старофлотские казармы» было изучено тридцать пять захоронений, из которых двадцать пять датируются IV в. до н. э. (относящихся, вероятно, к расположенному рядом античному поселению Николаев-6 — *Снытко*, 1985. С. 77–78; *Крыжицкий и др.*, 1990. С. 64), и десять — I в. н. э., предварительно определенных к среднесарматской культуре. Западная и восточная границы древних некрополей примыкают друг к другу практически вплотную (рис. 1), где разделительным маркером стал невысокий курган, который был обнаружен на одной из архивных фотографий здания Старофлотских казарм в г. Николаеве (*Фест*, 2016. С. 31). Если это всхолмление — курган эпохи бронзы, то вполне объясняется и выбор места для закладки данного могильника рубежа – начала новой эры, что было характерно для сарматов — хоронить в небольших курганах или рядом с ними (см., например: *Зубар, Савеля*, 1989. С. 74–83; *Сергацков*, 2009. С. 62). Также возможно, что курган был насыпан самими сарматами (*Скрипкин*, 2006. С. 6–11; *Сергацков*, 2009. С. 44), или же их предшественниками, некрополь которых классическо-эллинистического периода известен на территории парка им. 61 коммунара (*Смирнов*, 2012. С. 149–164).

По результатам изучения погребений на некрополях, несмотря на временной разрыв, необходимо выделить в них нечто общее, а именно характер постпогребального обряда значительной части захоронений классическо-эллинистического и римского периодов. Главной задачей данной работы является

ся выделение специфических черт обряда обезвреживания погребенных, которые относятся к ряду открытых погребений.

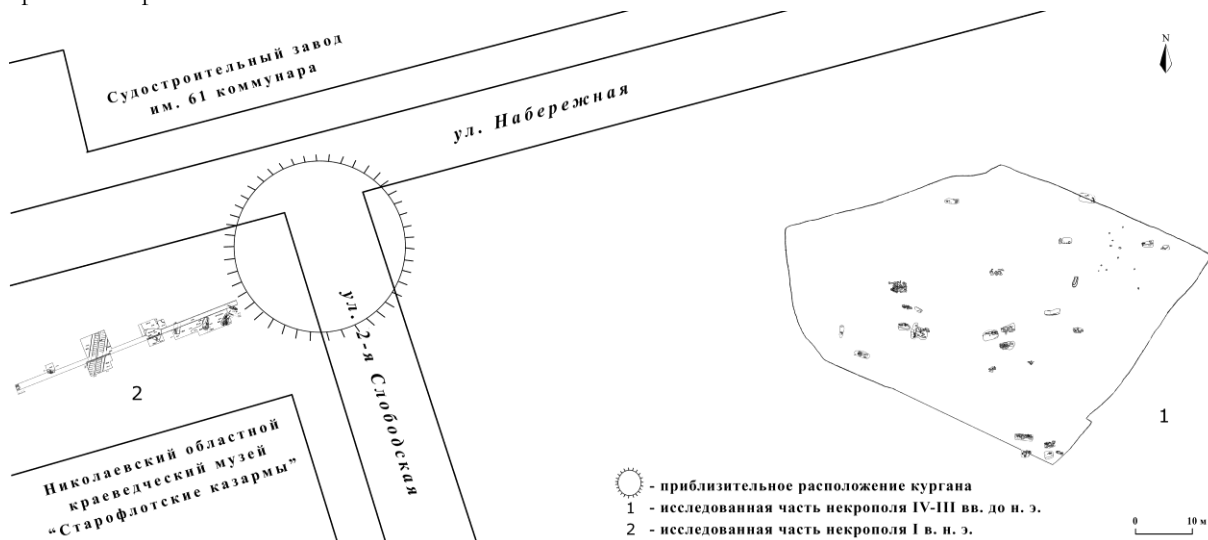

Рис. 1. План расположения некрополей

Могильник поселения Николаев-6 («Александровский»):

П–2, 3, 4, 7, 8, 13, 15–19, 21–23: потревоженные заклады, сложенные по углам и перемешанные в погребениях кости, частично разрушенные человеческие останки, черепа с отбитой лицевой частью, расположенные возле них железные ножи с костяной рукоятью.

Необходимо отметить, что во многих захоронениях, где прослеживается обряд обезвреживания погребенных, некоторые вещи из погребений не изъяты, что не позволяет связывать повторное вторжение в могилы с грабительской целью. А некоторые потревоженные погребения плотно забутованы камнями, что, вероятно, было связано с боязнью покойного.

Расположенные возле черепов и ориентированные по линии север – юг железные ножи, похоже, были направлены острием в сторону камеры. Очевидно, это связано с определенным ритуалом, связанным, возможно, с дополнительным препятствием на пути покойного к выходу из камеры, или окончательным очищением (?) погребения. Подобные примеры известны из раскопок Верхне-Салтовского катакомбного могильника (Аксенов, 2011. С. 7). Возможно, такое применение ножей обуславливалось их наличием в самой погребальной камере, и в данном случае они расположены именно возле черепов погребенных.

Могильник у НОКМ «Старофлотские казармы»:

П–2, 2а: подбойная могила с широкой ступенькой с запада (подбой — с восточной стороны). Глубина могилы от уровня выхода материка 0,4 м, глубина подбоя 0,2 м. Костяк сохранился не полностью. В северной, нетронутой части могилы зафиксированы кости ног, скрещенные в голенях (левая на правой) и ориентированные на север (рис. 2, 1). От остальной (южной) части ямы бедренные кости как бы заслоняет камень, поставленный на ребро во взвеси. С восточной стороны, под камнем, сохранились кости правой руки с бронзовым переплетенным браслетом.

Под камнем, заслоняющим бедренные кости, идет резкий спуск в яму округлой формы (глубиной 0,65 м), забутованную камнями (из заклада?). На дне ямы — большой камень (1×0,60×0,08 м), с тремя, похоже, неестественными углублениями (алтарь?), ориентированный по линии северо-восток – юго-запад. Под камнем — бусины, бронзовая серьга, скопление человеческих костей, среди которых нижняя челюсть. На дне этой конструкции, в южной стенке, обнаружена ниша со спуском под углом 45°, глубиной подбоя 0,60 м и длиной по линии север – юг 1 м. В данном погребении, в северной части, отдельно, на мешаном грунте, лежал череп, у которого практически отсутствовала левая часть лицевой стороны. Кроме черепа, в камере ничего не было. Вход в камеру был плотно затампован глиной (тол-

щина перегородки 0,15–0,2 м). Отдельно следует отметить — что в дальнейшем не раз еще будет встречаться — отсутствие коленных чашечек в сохранившейся северной части погребения.

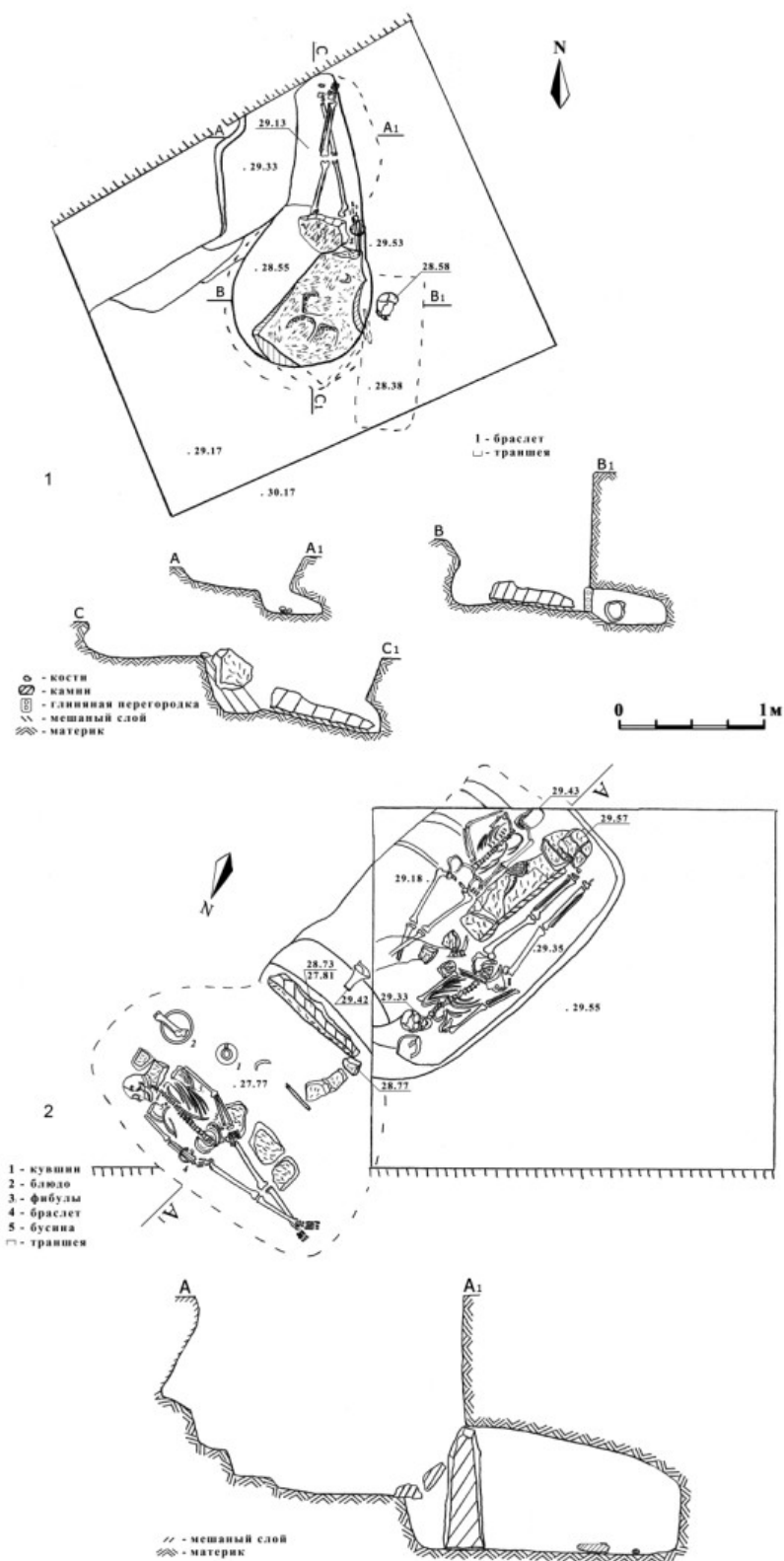

Рис. 2. 1 — погребение 2, 2а; 2 — погребение П-5, 5а, 5б, 5в

Исходя из конструкции и заполнения погребения, можно предположить следующую, наиболее вероятную последовательность действий. Изначально это была стандартная неглубокая подбойная могила, в которую, по прошествии определенного времени, было совершено повторное вторжение. В южной части был вырыт «колодец», на дне которого, в восточной части, была сооружена ниша по оси север – юг, в которую был положен череп без нижней челюсти, с преднамеренно отбитой левой стороной лицевой части. Показательно, что череп был положен лицевой частью на юг, в месте, где он и должен был бы находиться, будь весь остальной костяк в этой нише *in situ*. Затем перед спуском в нишу возвели вертикальную глиняную плотную перегородку. Кости туловища, перемешанные при сооружении «колодца», оставили в хаотичном порядке перед ее входом и накрыли мощной плитой с тремя неестественными углублениями (алтарь?). Остальную часть погребения, на теперь уже образовавшейся ступеньке, не тронули (кроме коленных чашечек?) и отделили от «колодца» небольшим камнем. Следует отметить, что при повторном вторжении в данное погребение контуры ямы проводившим обряд людям были известны, так как цель в данном случае состояла в том, чтобы обезглавить тело и разрушить его верхнюю часть, что и было достигнуто, в виду нетронутых ног.

Объект № 4: размеры ямы: 2,8×1,8 м, глубина 2,8 м. Яма трапециевидной формы с закругленными углами и вытянута по оси северо-запад – юго-восток. На дне обнаружен камень. В южном углу, на приступке зафиксирован раздавленный череп, рядом с ним — камень (0,35×0,18 м), который, возможно, был использован в качестве подручного материала для совершения этого обряда. Сверху по углам яма имеет «запечки», которые могли сформироваться в процессе закладки шурфов с целью поиска контуров ямы, что может свидетельствовать о незнании в данном случае точного расположения могилы вторгающимися спустя определенное время после процедуры захоронения.

П-4, 4а: расположено вплотную к объекту № 4. Форма ямы осталась пока неизвестной, так как упиралась в борт раскопа. Судя по глубине — 2,8 м — это был склеп. На дне ямы отдельно зафиксирован только череп. Вероятно, при совершении обряда он был извлечен и откинут в сторону.

П-5, 5а, 5б, 5в: вытянуто по оси север – юг. Размеры: 2,2×1,4 м. В П-5, 5а зафиксировано два костяка: мужской и женский, разделенные каменным закладом. Женский костяк ориентирован головой на север, правая рука вытянута, левая — под наклоном на тазу, ноги вытянуты. Мужской — ориентирован на юг, левая рука вытянута, правая — под наклоном на тазу, ноги скрещены в голених (левая на правой). Общая длина женского костяка 1,7 м, мужского — 1,75 м. Мужской костяк лежал ниже женского на 0,2 м, так как женский лежал на приступке могилы. Возле женского черепа был найден еще один отдельно лежащий череп, сохранившийся наполовину (рис. 2, 2). Перегородка между этими погребениями состояла из четырех камней, лежащих под наклоном в сторону П-5а (к западу), и нескольких небольших камней.

Эти захоронения перекрывали дромос склепа со ступеньками. Заполнение дромоса — мешаный суглинок. В заполнении зафиксированы бронзовая пряжка, фрагменты (горло и ручки) красноглиняной позднегераклейской амфоры и донце лепного сосуда. На глубине 2,5–2,6 м от уровня дневной поверхности был обнаружен развал камней средних размеров (0,4×0,3×0,15 м), под которыми был обнаружен вход в камеру, перекрытый стоящей на ребре массивной стелой (0,9×0,7×0,25 м).

Перед закладным камнем — скопление частично обожженных человеческих костей (ребенка?), которым для полного анатомического состава не хватало только черепа. Можно предположить, что именно он отдельно лежал в П-5а.

В самой камере был обнаружен мужской костяк, ориентированный на восток, правая рука вытянута (на ней — бронзовый браслет), левая — под наклоном у таза, ноги скрещены в голених (правая на левой). У запястья руки и в грудной клетке зафиксированы запчасти лучковых фибул. Под левой стороной погребенного зафиксирован ряд из пяти камней (0,2×0,15×0,05 м). Рядом с костяком, *in situ*, в 0,25 м к югу от черепа, найдено чернолощенное блюдо с костью МРС, чуть ниже от него, в 0,15 м на

запад — кувшин сарматского типа. Общая длина костяка 1,7 м. В грудной части была найдена сердоликовая бусина. Череп лежал на правом боку. У погребенного отсутствовали надколенники. В ходе расчистки были обнаружены остатки деревянного гробовища, в котором и размещался скелет. Датировка погребения по фибулам и браслету — I в. н. э.

Достоверно определить последовательность действий при совершении обряда (обрядов?) в данном склепе затруднительно. Однако похоже, что в П-5в незначительное вторжение было (отсутствие коленных чашечек и нарушение порядка расположения костей в грудной клетке). Видимо, затем над дромосом склепа было совершено парное мужское и женское (на приступке) захоронение, где рядом с женским костяком был отдельно положен детский (?) череп с отбитой лицевой частью (остальные детские кости были хаотично сложены перед закладной плитой камеры). Кости ног мужского захоронения просели под насыпанной в дромос землей. Снова необходимо отметить отсутствие коленных чашечек у обоих костяков, а у женского, вдобавок, и фаланг стоп, что позволяет предположить еще одно вторичное вторжение, но уже в захоронения, совершенные над дромосом склепа. Аналогии отсутствия именно коленных чашечек у погребенных известны (Кузьмин, 1991. С. 153–154). Вероятно, в представлениях группы людей, совершавших обряд, умерший с намеренно поврежденными конечностями уже не мог вернуться обратно и навредить живым (Мингалев, 2006. С. 417–424).

Особенно на некрополях выделяются черепа с отбитыми лицевыми сторонами: П-21 на могильнике поселения Николаев-6, П-2а, П-5б и раздавленный череп на ступеньке могилы объекта № 4 на могильнике у НОКМ «Старофлотские казармы».

Согласно верованиям многих народов, лицевая часть — вместилище человеческой души, а сам череп — божественное хранилище половой возрождающей силы (Иванов, 1994. С. 131). Определенно утверждать, какой смысл вкладывали в ритуал с намеренным повреждением черепа, — затруднительно. Возможно, подобными действиями душу хотели окончательно освободить от останков бренного тела. Из источников и исследований известно об особом отношении сарматов к черепакам (Перефва, Лукьяшко, 2011. С. 380–392), а непосредственное разрушение черепа — не редкость в обрядовой погребальной традиции разных народов (Медникова, 2010. С. 98). Традиции формирования отдельных камер-отсеков для черепов в погребениях и ритуальные действия с ними известны у финно-угорских племен (Амтриев, 1997. С. 214).

Об извлечении человеческих останков из склепов «на гибель живущим» и особом отношении колдунов к лицевой части покойных имеются упоминания в римской литературе (Arul. Met. II. 20, 21), о превращении усопших в существа наделенные сверхъестественной силой сообщает греческая письменная традиция (Белюсов, 2008. С. 26–27).

Нехарактерный для греческого населения региона обряд обезвреживания погребенных, безусловно, присутствует на могильнике поселения Николаев-6. Следовательно, на основании изложенного можно предположить, пожалуй, уникальный для Нижнего Побужья случай: обезвреживание двух граничащих друг с другом, разделенных почти полтысячелетием некрополей, одной группой населения, вероятнее всего, оставившей могильник римского времени — сарматами. Обезвреживание соседнего могильника, вероятно, было направлено на предохранение новых хозяев территории от бывшего населения. Похожая ситуация прослежена в Поднепровье (Воронятов, 2011. С. 48–49), а потревоженные погребения сарматов I в. н. э. известны на Северном Кавказе (Абрамова, 1968. С. 114–119), и на среднем Пруте (Vornic et al., 2016. P. 20–48).

Предлагая такую «имитативную модель» (Флеров, 2000. С. 87), необходимо отметить, что в Поднепровье это не первый засвидетельствованный случай обряда обезвреживания погребенных у сарматского населения (Махно, 1960. С. 37–38; Рикман, 1975. С. 49). Вероятно, в Днепро-Днестровском междуречье в первые века н. э. он не был редким явлением.

Ритуально разрушенные погребения выделены в катакомбной (Мельник, 1991), срубной (Усачук и др., 2009. С. 300–303), черняховской (Сымонович, 1963. С. 49–60; Магомедов, 1979. С. 112–113; Елташев, 1997.

С. 194–199; *Кияшко*, 2011. С. 65–69; *Петраускас*, 2014. С. 125–152), вельбарской (*Могильников*, 1974. С. 158–159) и салтово-маяцкой (*Плетнева*, 1967. С. 80–88; *Аксенов*, 1999. С. 62; *Флеров*, 2000. С. 10; *Аксенов*, 2002. С. 98–114; *Калмар*, 2008. С. 45–46) культурах, у аланов Предкавказья (*Флеров*, 2000), германцев (*Мончинска*, 1997. С. 207–213), монголов (*Дробышев*, 2005. С. 119–121, 129), населения восточноевропейской лесостепи скифского времени (*Гречко*, 2015. С. 181–200) и Армянского нагорья (*Худавердян и др.*, 2013. С. 80–93), населения средневекового времени Окско-Сурьского междуречья (*Осипова*, 2006) и Прикамья (*Коренюк и др.*, 2011. С. 65–80), в юхновской культуре (*Каравайко*, 2012. С. 66–67), Нетайловском (*Жиронкина и др.*, 1995. С. 178–179), Моложском (*Малюкевич*, 2008. С. 175, 181) могильниках и т. д.

Отдельно для Нижнего Побужья следует выделить ольвийский некрополь, где за более чем сто лет исследований известно значительное количество потревоженных захоронений¹, среди которых, безусловно, имеются разрушенные с ритуальной целью.

Трудности понимания современным человеком восприятия предками загробной жизни и поиск значения отдельных деталей погребальной обрядности через «кривое зеркало» археологических фактов, учитывая сложность ритуальных аспектов у разных народов (см., например, *Косарев*, 2010. С. 33–51), дает широкий простор для домыслов в реконструкциях мифологических представлений населения определенной территории. Однако факт повторных вторжений в погребения и, как результат, частичное или полное разрушение человеческих останков без изымания сопровождающих вещей, безусловно, свидетельствуют о ритуальной направленности таких действий. В то же время необходимо с осторожностью относиться к любым незначительным разрушениям в погребениях, поскольку не следует исключать природный фактор их образования.

Учитывая ареал фиксации данного обряда и временной диапазон существования, истоки его массового распространения, вероятно, следует искать у кочевых племен территории Евразии рубежа эр, что, в частности, прослеживается у сарматского и черняховского населения Приднепровья.

Таким образом, обряд обезвреживания погребенных характерен для определенных групп населения северопричерноморского региона рубежа эр и первых столетий нашей эры, что впрямь, при тщательном подходе к изучению захоронений (*Кузьмин*, 1991. С. 146–155; *Зайцева*, 2005), позволит выделять его из массы потревоженных погребений разновременного хронологического отрезка и в Нижнебугском регионе.

Абрамова С. А. Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СЛ. 1968. № 3.

Аксенов В. С. К вопросу об обряде обезвреживания погребенных у аланского населения салтовской культуры // Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. науч. конф. Харьков, 1999.

Аксенов В. С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. 2002. № 3.

Аксенов В. С. Новые материалы к постпогребальной обрядности аланского населения Подонцовья (по материалам Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника) // Салтово-маяцка археологічна культура: 110 років від початку вивчення на Харківщині. Харків, 2011.

Белюсов А. В. Почему Протесилай? Героника Флавия Филострата и воскресший герой // Индоевропейское языкознание и классическая филология. СПб., 2008. Вып. XII.

Воронятов С. В. Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра (вторая половина I – начало II в. н. э.) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.

Гречко А. С. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII–IV вв. до н. э. // Древности 2014–2015. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2015. Вып. 13.

Амитриев С. В. Тема отрубленной головы и политическая культура народов центральной Азии (общезиатский контекст) // Стратум: структуры и катастрофы. Сб. символической индоевропейской истории. СПб., 1997.

Дробышев Ю. П. Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // ЭО. М., 2005. № 1.

Елташев С. В. Разрушенные погребения черняховской культуры // Stratum + ПАВ. СПб.; Кишинев, 1997.

¹ Благодарю за эти сведения руководителя археологических исследований ольвийского некрополя А. В. Ивченко.

- Жиронкина О. Ю., Крыганов А. В., Цитковская Ю. П.* О погребениях Нетайловского могильника со следами повторного проникновения (по раскопкам 1994 г.) // *Древности*. Харьков, 1995.
- Зайцева О. В.* Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005.
- Зубарь В. М., Савеля О. Я.* Новый сарматский могильник второй половины I – началу II ст. н. э. в Південно-Західному Криму // *Археологія*. Київ, 1989. № 2.
- Иванов В.* Дионис и прадионисийство. СПб., 1994.
- Каравайко Д. В.* Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев, 2012.
- Кияшко А. Г.* «Пограбовані» поховання черняхівської культури // *Магістеріум*. Київ, 2011. Вип. 45. Археологічні студії.
- Камарь А. В.* К вопросу о процедуре обряда «обезвреживания покойников» в Нетайловском могильнике // *Восточнославянский мир Днепр-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья*. Воронеж, 2008.
- Коренко С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. А.* Погребальный обряд поздней части Мокшинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // *Вестник Пермского университета*. Пермь, 2011. № 1 (15).
- Косарев М. Ф.* Мироззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) // *КСИА*. 2010. Вып. 224.
- Крыжицкий С. А., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев, 1990.
- Кузьмин Н. Ю.* Ограбление или обряд? // *Реконструкция древних верований: источники, метод, цель*. СПб., 1991.
- Магомедов Б. В.* Могильник у городища Городок на Южном Буге // *Памятники древних культур Северного Причерноморья*. Киев, 1979.
- Малюкевич А. Е.* Обряд захоронения детей на памятнике римского времени Молога II // *КСОАО*. Одесса, 2008.
- Махно С. В.* Раскопки памятников эпохи бронзы та сарматського часу в с. Усть-Кам'янці // *АП*. Київ, 1960. Т. IX.
- Медникова М. Б.* Обращение с головой умершего: погребальная практика древности по данным палеоантропологии // *КСИА*. 2010. Вып. 224.
- Мельник В. П.* Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Мингалев В. В.* Некрофобия как транскультурное явление в эпоху великого переселения народов // *Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов*. Ижевск, 2006.
- Могильников В. А.* Погребальный обряд культур III в. до н. э. – III в. н. э. в западной части Балтийского региона // *Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.*, 1974.
- Мончинска М.* Страх перед умершими и культ мертвых у германцев в IV–VII вв. н. э. (на основании так называемых погребений специфического обряда) // *Stratum + ПАВ*. СПб.; Кишинев, 1997.
- Осипова Т. В.* Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
- Перерва Е. В., Лукьяшко С. П.* О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов // *Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии юга России*. Ростов на-Д., 2011. Вып. III.
- Петраускас О. В.* Разрушенные погребения на могильниках черняховской культуры Поднепровья: анализ археологической культуры // *Від венедів до Русі*. Київ, 2014.
- Плетнева С. А.* От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М., 1967. (МИА; № 142).
- Рикман Э. А.* Этническая история населения Приднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975.
- Сергацков П. В.* Погребальный обряд среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем*. СПб., 2009.
- Скрипкин А. С.* К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // *Раннесарматская и среднесарматская культуры: проблемы соотношения: Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов*. Волгоград, 2006. Вып. I.
- Смирнов А. П.* Александровский – новый могильник хоры Ольвии в г. Николаев // *Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э.* Тирасполь, 2012.
- Смирнов А. П., Пивченко А. В., Горбенко К. В.* Исследования на могильнике позднеклассического времени в г. Николаев // *АДУ* 2011 р. Київ, 2012а.
- Смирнов А. П., Козленко Р. А., Пивченко А. В.* Новый некрополь римского времени в г. Николаев // *АДУ* 2011 р. Київ, 2012б.
- Сытко П. А.* Новый античный памятник в Нижнем Побужье // *ПИО*. Парутино, 1985.
- Сымонович Э. А.* Магия и обряд в черняховскую эпоху // *СА*. 1963. № 1.
- Усачук А. Н., Подобед В. А., Полидович Ю. Б., Цимиданов В. В.* Раскопки кургана на территории аэропорта города Донецк // *АДУ* 2008 р. Київ, 2009.
- Фест В.* Николаев: последний форпост немецких войск на Черном море. Николаев, 2016.
- Флеров В. С.* Ланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М., 2000.
- Худавердян А. Ю., Деведжан С. Г., Еганян А. Г.* Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакван и Лори Берд (Армения) (по данным палеоантропологии) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. Тюмень, 2013. № 4 (23).
- Vornic V., Bubulici V., Popovici S.* Sarmatian necropolis from Medeleni (com. Petrechi, Ungheni district, Republic of Moldova) // *Journal of Ancient History and Archaeology*. Cluj-Napoca, 2016. № 3.3.